

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ. —

10 МАЯ.

№ 19

1915 ГОДА.

С Л О В О

на „Вознесеніе Господне“, произнесенное Ректоромъ Воронежской духовной Семинаріи Архимандритомъ Серафимомъ въ семинарскомъ храмѣ 30 апрѣля с. г.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Въ сегодняшнемъ евангельскомъ чтеніи Св. Церковь предлагае намъ, возлюбленные во Христѣ братіе и питомцы, повѣствованіе о послѣднемъ явленіи Воскресшаго Господа своимъ ученикамъ и Его вознесеніи. Какъ слышали мы, при этомъ явленіи ученики испугались. Они подумали, что увидѣли духа. Но Господь успокоилъ ихъ. Онъ указалъ имъ на Свои руки и ноги, попросилъ ихъ осязать Его и дать Ему рыбы и меда, для вкушенія. Такъ опытно предъ возлюбленными учениками Онъ завѣрилъ истину Своего воскресенія. Затѣмъ, наставивъ ихъ въ Своемъ ученіи и обѣщавъ послать имъ Св. Духа, Господь вывелъ ихъ изъ

города, дошелъ съ ними до Вифаніи, благословилъ ихъ и съ Своимъ прославленнымъ тѣломъ вознесся на небо.

Предлагая такое евангельское чтеніе, Св. Церковь хочетъ, чтобы мы памятованіемъ о воскресеніи и вознесеніи Христа всегда помнили, что и намъ предстоитъ воскресеніе и мы предназначены къ вознесенію на небо съ нашими воскресшими тѣлами,—предназначены быть тамъ, гдѣ пребываетъ теперь Господь съ нашимъ человѣческимъ тѣломъ. „Христосъ, говоритъ апостолъ Павелъ, воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть“ (1 Кор. XV, 20). А самъ Господь Своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ говорилъ: „Аще пойду и уготовлю мѣсто вамъ, паки прииду и пойму вы къ себѣ, да идеже есть Азь и вы будете“ (Іоан. XIV, 3).

Въ этомъ предстоящемъ для насъ вознесеніи, по воскресеніи нашемъ, должна заключаться самая главная и послѣдняя цѣль нашей жизни и всѣхъ нашихъ трудовъ. Для этого и приходилъ Господь на землю, претерпѣлъ страданія и смерть на крестѣ, воскресъ и вознесся на небо.

Вотъ о чемъ побуждаетъ насъ имѣть памятованіе сегодняшнее Евангеліе.

Впрочемъ, Св. Церковь настоящимъ евангельскимъ чтеніемъ побуждаетъ насъ не только помнить означенную высокую цѣль нашу, но и жить согласно съ послѣднею. Иначе сказать—она призываетъ насъ теперь же приложить всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлаться намъ чистыми отъ растлѣвающихъ насъ страстей и въ особенности отъ самыхъ мучительныхъ изъ нихъ: гнѣва и похоти. Эти страсти больше всего грязнятъ и обезображиваютъ насъ, первая главнымъ образомъ нашу душу, а вторая—тѣло. Онѣ какъ ужасный бичъ бичуютъ все человѣчество. Отъ нихъ больше всего терпятъ несчастій и страданій люди.

Поэтому, памятуя всегда свое высокое предназначеніе,

постараемся, возлюбленные, при помощи Божіей, прежде всего, имѣть въ душѣ своей кротость, какъ чувство противоположное чувству гнѣва. Кротость есть такое состояніе души, при которомъ человѣкъ не возмущается, когда его оскорбляютъ. Потщимся на опытѣ извѣдать эту добродѣтель. Тогда мы узнаемъ,—какъ она благодѣтельна и сколько въ ней заложено для насъ благъ!

Не даромъ преп. Іоаннъ Кассіанъ называетъ эту добродѣтель чудомъ изъ чудесъ. Онъ рассказываетъ, какъ на одного христіанскаго подвижника-старца напала разбойничая толпа язычниковъ. Послѣдніе стали оскорблять и бить его, требуя, чтобы онъ сказалъ имъ: что удивительнаго, чудеснаго сдѣлалъ Христосъ? Старець, съ кротостію переносившій оскорбленія, сказалъ имъ: „вотъ что удивительнаго сдѣлалъ Христосъ—Я не возмущаюсь и не оскорбляюсь этими и большими обидами, если бы вы нанесли мнѣ“.

Если мы, возлюбленные, будемъ имѣть кротость, то тогда будетъ съ нами и цѣломудріе. Какъ съ гнѣвомъ и раздражительностію, по ученію св. отцовъ, чаще всего бываютъ неразлучны плотскія страсти, такъ съ кротостію бываетъ неразлучна чистота. И это повятно. Только кроткимъ Господь посылаетъ Свою особенную помощь, при которой они могутъ легко побѣждать всякія страсти. „На кого воззрю, говорить, Господь, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ (Ис. 66, 2). Вотъ почему самыми первыми, отличительными признаками всѣхъ святыхъ были кротость и ангельская чистота.

Да поможетъ же намъ Вознесшійся Господь имѣть кротость и цѣломудріе, дабы всегда намъ соотвѣтствовать своему высокому призванію; и чтобы намъ съ чистою душою и чистымъ тѣломъ всегда быть вмѣстѣ со Христомъ и въ этой и будущей жизни небеснаго царства Христова послѣ всеобщаго воскресенія. Аминь.

Епископъ Теофанъ—Затворникъ Вышенскій, какъ православный христіанскій педагогъ

(род. 10 января 1815 г. † 6 янв. 1894 г.)¹⁾.

II.

Педагогическая дѣятельность Теофана началась тотчасъ же по окончаніи академическаго курса и проходила на разныхъ поприщахъ учебно-и учено-административной службы въ духовно-учебныхъ зведеніяхъ, начиная съ духовнаго училища и кончая духовной академіей. До путешествія на Востокъ, іеромон. Теофанъ первоначально проходилъ должность ректора Кіево-Софійскихъ училищъ въ Кіевѣ (1841—1842 г.) чрезъ годъ былъ переведенъ инспекторомъ духовной Семинаріи въ Новгородъ, гдѣ прослужилъ три года (1842—1845 г.); затѣмъ, по полученіи степени магистра, былъ вызванъ въ Петроградъ на кафедру нравственнаго богословія въ духовную академію. По возвращеніи изъ Іерусалима и по возведеніи въ санъ архимандрита, Теофанъ около двухъ лѣтъ былъ ректоромъ Олонецкой духовной Семинаріи въ Петрозаводскѣ (1855 и 1856 г.г.) и два года ректоромъ Петроградской духовной академіи (1857—1859 г.). Не смотря на быструю смѣну мѣстъ и учебныхъ должностей, Теофанъ на всѣхъ поприщахъ своей педагогической службы оставилъ по себѣ самыя свѣтлыя и благодарныя воспоминанія. Правда, онъ очень тяготился административной и хозяйственной частями управленія, съ которыми по большей была связана его служба въ духовныхъ школахъ, но самое педагогическое дѣло онъ любилъ всей душой и весьма много и плодотворно потрудился въ этой области.

Какъ ректоръ Кіево-Софійскихъ училищъ, Іеромон.

¹⁾ Продолженіе. См. № 18.

Оеофанъ постоянно находился въ школѣ и весьма часто бывалъ на урокахъ преподавателей въ классахъ, направляя обученіе дѣтей, при чемъ болѣе обращалъ вниманія на развитіе ихъ пониманія, чѣмъ на приобрѣтеніе знаній одной памятью; учителямъ рекомендовалъ прибѣгать, насколько возможно чаще, къ наглядности, въ чемъ самъ первый подавалъ примѣръ, образцово преподавая латинскій языкъ, который зналъ въ совершенствѣ. Живя на покоѣ, преосвящ. Оеофанъ говорилъ, что въ дорогу для справокъ онъ всегда бралъ латинскую библію небольшого формата. Но не столько объ обученіи дѣтей заботился ректоръ Оеофанъ, сколько о томъ, чтобы сдѣлать ихъ покорными, трудолюбивыми и тихими дѣтьми. И въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно достигалъ замѣчательныхъ результатовъ, и вотъ почему. Въ основу воспитанія имъ былъ положенъ принципъ, который и нынѣ признается многими какъ безусловно вѣрный и плодотворный, но далеко немногими осуществляется на дѣлѣ, — принципъ христіанской любви къ дѣтямъ. „Полюбите дѣтей“, обыкновенно говорилъ онъ всѣмъ, обращавшимся къ нему за совѣтами, какъ воспитывать дѣтей, „полюбите дѣтей, и они полюбятъ васъ“. И это въ устахъ Оеофана не было только фразой, а дѣйствительнымъ правиломъ воспитанія: обладаая въ высшей степени нѣжнымъ и любящимъ сердцемъ, онъ искренно любилъ дѣтей и привлекалъ ихъ къ себѣ своею любовью. Изъ всѣхъ воспитательныхъ мѣръ воздѣйствія на дѣтей онъ прибѣгалъ болѣе всего къ напоминанію о родителяхъ, говоря: „хорошее поведеніе и успѣхи дѣтей доставляютъ родителямъ радость и веселіе, а плохое поведеніе и лѣность скорбь и слезы отцу и матери“. Вѣроятно, говоря это, онъ переживалъ свое дѣтство и вспоминалъ, съ какою радостью пріѣзжалъ онъ домой изъ школы, съ какимъ веселіемъ встрѣчалъ радостныя и дорогія лица отца и матери, что было для него наилучшей наградой за его от-

личныя успѣхи и благоправіе. Особенно же іеромонахъ Теофанъ заботился о религіозномъ воспитаніи дѣтей; онъ развивалъ въ нихъ любовь къ молитвѣ и къ храму Божію, самъ благоговѣнно совершалъ церковное богослуженіе, заставляя дѣтей пѣть и читать въ церкви. ¹⁵⁾

Подобными возвышенными взглядами и пріемами руководился іеромон. Теофанъ и въ своей семинарской педагогической практикѣ. По воспоминаніямъ лицъ, знавшихъ его инспекторскую службу въ Новгородѣ, послѣдняя представляется въ слѣдующемъ видѣ. Молодой инокъ аскетъ, убѣжденный, что православная церковь со всеми возвышенными и умилительными ея священнодѣйствіями есть лучшая воспитательница сердца юношей, старался держать питомцевъ семинаріи вблизи церкви и подъ ея благодатнымъ вліяніемъ. Онъ неопустительно присутствовалъ на всехъ общихъ молитвахъ учениковъ семинаріи, усердно молясь съ юношами и тѣмъ подавая примѣръ, какъ должно молиться, совѣтовалъ имъ постоянно молиться предъ каждымъ дѣломъ и особенно въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Совершая богослуженіе въ воскресные и праздничные дни, инспекторъ Теофанъ обращался къ питомцамъ съ горячей проповѣдью, стараясь зажечь въ ихъ сердцахъ любовь къ матери нашей св. православной церкви; внѣ церкви не рѣдко бесѣдовалъ съ ними о правильномъ удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей, а больше всего о душѣ, какъ поставить ее въ общеніе съ Богомъ и сохранить чистоту совѣсти и сердца. На урокахъ психологіи и логики, которыя преподавалъ въ семинаріи, іеромон. Теофанъ живо и увлекательно знакомилъ учениковъ съ началами христіанской психологіи, которую самъ зналъ въ совершенствѣ; при этомъ

¹⁵⁾ Подробнѣе объ этомъ см. И. А. Крутикова: святитель Теофанъ Затворникъ, стр. 27—30.

все преподаваніе направлялъ къ тому, чтобы пробудить и развить въ питомцахъ христіанское самосознаніе. Съ этой цѣлю онъ рекомендовалъ имъ чтеніе религіозно-нравственныхъ книгъ; свѣтскую же литературу рекомендовалъ читать съ разборомъ, только книги съ добрымъ нравственнымъ направленіемъ, не противныя христіанству. Чтобы разумно наполнить досугъ воспитанниковъ и предохранить отъ праздности, инспекторъ Теофанъ располагалъ ихъ къ физическимъ трудамъ, къ занятіямъ столярнымъ и переплетнымъ мастерствами и живописью, которую самъ любилъ и ею занимался; въ лѣтнее время предпринималъ съ юношами загороднія прогулки съ цѣлю отдохновенія отъ утомительныхъ умственныхъ занятій и для невинныхъ развлеченій на лонѣ природы ¹⁶⁾.

Какъ профессоръ нравственнаго богословія, Теофанъ, по отзыву слушавшихъ его лекціи лицъ, былъ безспорно выдающимся. Нравственное богословіе, это — предметъ, который былъ особенно по душѣ Теофану и къ чтенію котораго онъ былъ болѣе всего подготовленъ. Еще въ бытность въ Кіевѣ, подъ руководствомъ своихъ кіевскихъ воспитателей, Теофанъ съ особенной любовью занимался изученіемъ святоотеческой аскетической литературы и тогда же началъ многотрудное дѣло пракческаго примѣненія этой науки къ своей личной жизни, предавшись самоуглубленію и аскетическимъ подвигамъ. Съ тѣхъ поръ наука эта стала дѣломъ всей его жизни: онъ въ совершенствѣ изучилъ ее и теоретически и практически; большимъ подспорьемъ ему при этомъ служили обширныя познанія изъ области философскихъ наукъ и психологіи. Благодаря всему этому, іеромон. Теофанъ выступилъ на поприщѣ своей профессорской дѣ-

¹⁶⁾ См. объ этомъ у Смирнова: жизнь и ученіе преосвящ. Теофана, стр. 21—22.

тельности „какъ власть имѣющей“ и сдѣлалъ въ области православнаго русскаго нравоученія то, что совершенно не приходило въ голову его предшественниковъ. Доселѣ нравственное богословіе въ кругѣ богословскихъ наукъ не имѣло у насъ самостоятельнаго значенія, а считалось наукой прикладной къ догматикѣ, излагалось обыкновенно сухо и схоластично, какъ логическій выводъ изъ догматическихъ истинъ. Теофанъ первый ввелъ нравственное богословіе въ кругъ богословскихъ наукъ, какъ самостоятельную науку, наравнѣ съ догматикой, и, освободивъ ее отъ оковъ схоластицизма, поставилъ на психологическую почву или основу, т. е. далъ нравственнымъ явленіямъ психологическое обоснованіе и законы нравственнаго порядка сталъ выводить изъ устройства нравственной человѣческой природы, конечно, согласно ученію о семь слова Божія и св. отцевъ церкви. Но, создавая такимъ образомъ науку нравственнаго православнаго богословія, Теофанъ, естественно, долженъ былъ встрѣтиться и съ вопросами нравственнаго христіанскаго воспитанія души человѣческой; другими словами: создавая науку нравственнаго богословія, Теофанъ тогда же создалъ и науку православной христіанской педагогики, какъ важнаго отдѣла этой науки.

Въ своемъ сочиненіи: „мысли на каждый день года“ преосвящ. Теофанъ говоритъ между прочимъ: „вотъ программа начальствующихъ всѣхъ родовъ: растворяй строгость власти кротостію, старайся любовію заслужить любовь, и бойся быть страшилищемъ для другихъ“. Это именно была программа его собственной дѣятельности во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и на всѣхъ начальственныхъ должностяхъ. Такимъ онъ былъ ректоромъ Кіево-Софійскихъ училищъ, такимъ былъ инспекторомъ Новгородской духовной семинаріи, такимъ онъ былъ и ректоромъ Олонецкой дух. семинаріи и Петроградской духовной академіи. О дѣятель-

ности Теофана въ Олонецкой дух. семинаріи не имѣется особыхъ свѣдѣній, да и дѣятельность эта была кратковременна, болѣе состояла въ ознакомленіи съ новыми лицами и новымъ дѣломъ порученнаго ему управленія. Гораздо важнѣе его дѣятельность на должности ректора Петроградской духовной академіи.

Въ чрезвычайно трудное время призвалъ Господь архимандрита Теофана къ прохожденію ректорскаго служенія въ столичной дух. академіи. Это была эпоха реформъ, наступившая въ нашемъ отечествѣ вслѣдъ за смертію императора Николая I и восшествіемъ на престолъ Императора Александра II,—либеральнѣйшая эпоха, сопровождавшаяся крушеніемъ прежнихъ идеаловъ и принциповъ и ломкой устарѣлыхъ формъ во всѣхъ областяхъ русской жизни. Въ области научной и религіозной это новое направленіе выразилось въ отверженіи прежняго религіознаго мистицизма и философскаго идеализма и въ замѣнѣ его религіознымъ скептицизмомъ и рационализмомъ, которые путемъ науки и литературы быстро проникали къ намъ съ Запада. Особенно въ модѣ были идеи такъ называемаго прогресса, т. е. движенія впередъ во всѣхъ областяхъ жизни, не исключая и церковной. На эти идеи возлагали большія надежды, думая, что въ нихъ заключается спасеніе человѣчества, стоитъ только примѣнить ихъ къ религіи и жизни, видоизмѣнивъ ту и другую соответственно потребностямъ времени. Съ этой цѣлію въ печати и литературѣ подвергнуты были критикѣ и осмѣянію многіе порядки нашего церковнаго устройства, какъ устарѣлые, и особенно—быть русскаго духовенства, а также бытъ и порядки духовной школы. Всѣ эти идеи съ поразительной быстротой плодились и распространялись тогда всюду, образуя такъ называемый духъ времени. Но этотъ духъ, при видимой его новизнѣ и живости, въ сущности былъ тлѣтворный духъ, направленный къ нис-

спроверженію коренныхъ основъ православія и церковности: онъ вызывалъ невѣріе въ обществѣ общее недовольство, уществующимъ строемъ церковной жизни и сопровождался сильнымъ броженіемъ особенно среди учащагося духовнаго юношества. Этотъ духъ проникъ тогда и въ наши духовныя академіи, въ частности въ Петроградской духовной академіи возникли большія волненія въ октябрѣ 1858 года въ связи съ волненіями въ университетѣ и мѣстныхъ гимназіяхъ, и даже съ политической окраской.

Вступивъ въ управленіе академіей въ такое бурное время, архимандритъ Теофанъ, какъ опытный кормчій, съ большимъ умѣніемъ взялъ въ руки руль правленія и съ большимъ успѣхомъ велъ его. Эта дѣятельность Теофана совпала съ самой цвѣтущей порой его мужества, съ полнымъ развитіемъ его физическихъ и умственныхъ силъ, когда онъ, послѣ путешествія на Востокъ, располагалъ уже громаднымъ опытомъ житейскимъ и научнымъ и могъ дѣйствовать во всеоружіи христіанской учености, — и всѣ эти свои силы и средства Теофанъ посвятилъ теперь на служеніе академіи. Какъ ранѣе въ семинаріяхъ, такъ и теперь въ академіи цѣль высшаго духовнаго образованія архим. Теофанъ полагалъ не въ одной научности, а въ насажденіи и наивысшемъ укрѣпленіи среди научно образованнаго духовнаго юношества завѣтовъ св. православной вѣры и нравственности, въ воспитаніи въ немъ искренней любви и преданности св. православной церкви и своему духовному призванію. Для достиженія этого въ академіи Теофанъ считалъ необходимымъ, съ одной стороны, — строго слѣдить за православнымъ (ортодоксальнымъ) направленіемъ преподаванія богословской науки, охраняя студентовъ отъ тлѣтворнаго вліянія духа времени, съ другой; поставить возможно выше значеніе и честь ввѣреннаго ему высшаго разсадника духовнаго просвѣщенія поднять на подобаю-

шую высоту богословскую науку въ немъ. Чтобы лучше слѣдить за общимъ ходомъ преподаванія наукъ въ академіи, самъ ректоръ Теофанъ отказался отъ чтенія лекцій (по догматикѣ), какія велъ его предшественникъ (ректоръ Макарій Булгаковъ), но зато часто посѣщалъ лекціи профессоръ и ежедневно велъ бесѣды со студентами по поводу этихъ лекцій, для чего приглашалъ къ себѣ очередныхъ студентовъ обоихъ курсовъ. Во время этихъ бесѣдъ онъ весьма внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ студенты воспринимали слышанное на лекціяхъ, или какъ лекціи отражались на ихъ умственномъ и нравственномъ складѣ, при чемъ, если высказывались съ ихъ стороны недоумѣнія, старался разъяснить ихъ; указывалъ студентамъ свято-отеческія творенія въ руководство по тому или другому отдѣлу науки; особенно тщательно слѣдилъ за работами студентовъ при написаніи такъ назыв. курсовыхъ сочиненій. По этимъ занятіямъ студенты имѣли къ нему свободный доступъ. Впрочемъ, ректоръ слѣдилъ только за добрымъ направленіемъ академической науки и въ работахъ ни студентовъ, ни профессоровъ не стѣснялъ, хорошо зная, что при добромъ направленіи каждый самъ съ успѣхомъ можетъ трудиться въ мѣру силъ и самостоятельно. Поэтому строгій контроль ректора никого не обижалъ и не вызывалъ противъ него неудовольствія, чему, конечно, много способствовалъ также въ высшей степени кроткій нравъ ректора, который не только „боялся быть страшилищемъ для другихъ“, но и не могъ быть такимъ по самой своей природѣ. Чтобы предохранять студентовъ отъ вольнодумства и свѣтскости, архим. Теофанъ старался возбудить у нихъ любовь къ занятіямъ именно богословскими предметами, живо и убѣдительно раскрывалъ предъ ними всю пагубность направленія, господствовавшего на западѣ въ наукѣ и въ нашей свѣтской литературѣ, просилъ студентовъ не гулять

безъ нужны по Невскому проспекту и не заводить знакомства съ неизвѣстными молодыми людьми. Когда же вліяніе тлѣтворнаго духа времени все же проникло въ среду студенчества, Теофанъ весьма энергично выступилъ на борьбу съ нимъ съ церковной кафедрѣ и въ печати. Плодомъ этого явилось его замѣчательное слово „о прогрессѣ“ и брошюра: „предостереженіе отъ увлеченія духомъ настоящаго времени“, возбудившія общій интересъ и получившія одобреніе даже отъ такого строгаго цѣнителя сочиненій, какимъ былъ знаменитый Московскій митрополитъ Филаретъ. Послѣ того, какъ въ академіи произошли беспорядки въ связи съ броженіемъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, архим. Теофанъ весьма былъ опечаленъ происшедшимъ и, сообщая объ этомъ митрополиту Григорію, такъ тронулъ его своею скорбію, что маститый старецъ самъ прибылъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней (въ ноябрѣ 1858 г.) въ академическую церковь къ обѣднѣ, послѣ которой, обращаясь къ собравшимся въ академической залѣ студентамъ, убѣждалъ ихъ остаться вѣрными своему воспитанію и призванію и не увлекаться ложными внушеніями со стороны людей неблагонамѣренныхъ. Послѣ сего волненія въ академіи постепенно стихли, и ректоръ Теофанъ сталъ спокойнѣе, началъ дѣйствовать увѣреннѣй, всецѣло предавшись волѣ божественнаго провидѣнія.

Желая пробудить у студентовъ академіи любовь къ духовному призванію и привязать ихъ къ церкви, ректоръ Теофанъ особенно старался возбудить у нихъ интересъ и любовь къ церковному проповѣдничеству, на которое возлагалъ большія надежды. На проповѣдничество онъ указывалъ студентамъ, какъ на самое первое дѣло пастырства, и въ этомъ отношеніи самъ подавалъ имъ прекрасный примѣръ и образецъ: за время своего ректорства въ академіи, въ продолженіи двухъ лѣтъ, онъ произнесъ болѣе двадцати про-

повѣдей, которыя потомъ были изданы особымъ сборникомъ. Проповѣди эти произносились имъ въ главныхъ храмахъ столицы, въ большіе праздники и царскіе дни, при громадномъ стеченіи народа и нерѣдко въ присутствіи Царственныхъ Особъ; онѣ писаны съ большимъ тщаніемъ и одушевленіемъ и снискали ему славу лучшаго въ то время проповѣдника въ столицѣ.

Наконецъ, чтобы поднять въ глазахъ всѣхъ значеніе и честь духовной академіи, какъ разсадника высшаго духовнаго просвѣщенія на Руси, ректоромъ Теофаномъ въ широкихъ размѣрахъ задумано было и осуществлено юбилейное празднество, по случаю исполнившагося 50-лѣтія со времени ея основанія (17 февраля 1859 года). Это празднество академіи прошло съ большой торжественностью: его почтили своимъ присутствіемъ члены Синода съ митрополитомъ Григоріемъ во главѣ, столичное духовенство и представители отъ всѣхъ академій, а также многія высокопоставленныя свѣтскія особы съ Его Высочествомъ принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ во главѣ. Мистическій старецъ и отецъ академіи (первый ея ректоръ и основатель) Московскій святитель Филаретъ въ благословеніе дорогой ему академіи прислалъ икону Царицы Небесной и трогательное привѣстіе на имя Митрополита Григорія. Профессоръ Чистовичъ прочиталъ предварительно редактированную ректоромъ Теофаномъ и просмотрѣнную Митрополитомъ Григоріемъ историческую записку объ академіи, въ которой въ общей живой картинѣ изображены заслуги академіи для русской богословской науки и для всей Русской церкви за истекшее 50-лѣтіе, а профессоръ Карповъ сказалъ рѣчь о направленіи и цѣли духовнаго образованія. Самъ Теофанъ на юбилейномъ богослуженіи произнесъ въ высшей степени поучительное слово на текстъ: *Возвѣстите трубнымъ гласомъ по всей землѣ вашей... и освятите ѣто, пятидесятое ѣто*

(Лев. 25 гл.). Въ этомъ словѣ онъ съ особенной силой и убѣдительною провѣлъ мысль, что духовная академія есть разсадникъ, приготовляющій пастырей и наставниковъ для пастырей, и что настоящее юбилейное торжество есть торжество пастырства, хранящаго единую истину Божию и защищающаго ее отъ напизма и вольномыслія запада (примѣнительно къ потребностямъ времени). Проповѣдь заканчивается призывомъ къ усиленной дѣятельности проповѣдывать и защищать слово Божіе отъ вольномыслія пасомыхъ. Итакъ, заключаетъ ораторъ, воспроповѣдуемъ, братіе, слово Божіе въ храмахъ и домахъ, въ общихъ собраніяхъ и частныхъ бесѣдахъ, устно, письменно, печатано. Да будемъ трубами, непрестанно гласящими, но внятными, составимъ братскій союзъ, сосредоточимъ силы, устремимъ ихъ все на едино. Необузданная свобода науки есть плѣнь истины, будемъ такъ вести науку, да свободою навсегда пребудеть единая истина Божія¹⁷⁾.

Все это на юбилейномъ торжествѣ академіи было въ высшей степени цѣнно, интересно и весьма поучительно. Словомъ, торжество удалось во всѣхъ отношеніяхъ. Но большія хлопоты, тревоги и волненія, какія пришлось переиспытать тогда ректору Теофану, не прошли для него даромъ: вскорѣ послѣ юбилея онъ опасно заболѣлъ (тифозной горячкой), болѣзнь приняла угрожающее жизни теченіе, такъ что было нѣсколько консилиумовъ, на которыхъ врачи выражали опасенія за благополучный исходъ болѣзни. Но Господу угодно было поднять болящаго отъ одра болѣзни, чтобы вновь поставить своего избранника на высшее служеніе въ Церкви въ санѣ епископа и потомъ явить въ немъ великаго учителя и наставника всѣхъ христіанъ св. православной церкви нашей.

(Окончаніе будетъ).

¹⁷⁾ Слово на день 50 лѣтняго празднества СПб. д. академіи ректора архимандрита Теофана.

О продолженіи Исторіи Воронежской Духовной Семинаріи.

Въ недавно вышедшемъ 13-мъ выпускѣ „Воронежской Старины“, среди весьма разнообразныхъ и интересныхъ по содержанію статей и матеріаловъ, есть небольшая замѣтка Т. М. Олейникова „Къ исторіи Воронежской Духовной Семинаріи. II.“ (стр. 217—222). Здѣсь, на основаніи документовъ семинарскаго архива, передано нѣсколько фактовъ, касающихся противоначалственныхъ и даже противоправительственныхъ теченій въ средѣ воронежскихъ семинаристовъ. Что эти теченія были, это ни для кого не секретъ. А потому для исторіи семинаріи важно сохранить о нихъ повѣренныя извѣстія. Но для той же исторіи важно сохранить не одни отрывочныя извѣстія и не рассказы объ однихъ только рѣзкихъ проявленіяхъ революціоннаго броженія, а гораздо важнѣе запечатлѣть общую картину семинарской жизни.

Я веду свою рѣчь къ тому, что пора подумать надъ составленіемъ исторіи Воронежской Духовной Семинаріи за послѣднюю четверть XIX вѣка. Составленная мною „Исторія Воронежской Духовной Семинаріи“ доведена до 1874 г. Но за 1868—1874 г. я далъ только общій очеркъ реформы семинаріи и ея состоянія, такъ какъ подробно останавливаться на дѣятельности семинарскихъ администраторовъ тогда считалъ неудобнымъ: большая часть ихъ еще здравствовали, и всякая оцѣнка ихъ могла быть заподозрѣна въ пристрастіи. Достаточно сказать, что тогда еще здравствовалъ Архіепископъ Дмитрій Самбикинъ.

Со времени изданія „Исторіи Воронежской Духовной Семинаріи“ прошло 15 лѣтъ. Много уткло воды съ той поры. Въ научномъ отношеніи достаточно напомнить, что съ 1901 г. непрерывно работалъ церковный историко архе-

ологическій комитетъ. И хотя главное вниманіе его было занято исторіей воронежской іерархіи, епархіальнаго управленія и монастырей, однако не могъ не касаться комитетъ и семинаріи. Не говоря уже о томъ, что матеріалы по исторіи семинаріи поступали для храненія въ архивъ Комитета, не мало матеріаловъ имъ опубликовано. Напомню такіе матеріалы у А. М. Правдина (В. V: „Время епископа Арсенія—1800—1810 г.г.), Д. И. Цитовича (о Бирюченскомъ Духовномъ Училищѣ В. VI, VII, VIII), В. А. Пархоменко (В. VI), П. В. Цезаревского (В. VI, VII), А. М. Спасскаго, Н. И. Поликарпова, Д. В. Цитовича и мои объ Архіепископѣ Димитріи (В. VIII и IX), цѣнные матеріалы В. В. Литвинова (В. IX и XII), статьи о м. Евгеніи Болховитиновѣ (В. XI).

Эти новые матеріалы даютъ основаніе снова пересмотрѣть исторію Воронежской духовной семинаріи, въ иныхъ частяхъ дополнить, въ другихъ иначе освѣтить.

Но особенно важно теперь же продолжить эту исторію. Я остановился на 1874 г., а точнѣе—на 1868 года. Эпоху новаго устава съ 1869 до 1884 года и необходимо изложить теперь исторически. Эта эпоха отодвинулась отъ насъ уже на 30 лѣтъ, т. е. на такой періодъ, когда къ ней можно отнестись съ научнымъ безстрастіемъ. Проф. П. В. Знаменскій свою исторію Казанской Духовной Академіи за 1852—1870 г.г. писалъ въ 90-хъ годахъ XIX в., т. е. отодвинувшись отъ изображаемаго только на 20 лѣтъ. И хотя самъ онъ былъ непосредственнымъ дѣятелемъ изображаемой эпохи, то какъ студентъ, то какъ профессоръ, однако ему удалось дать настоящую историческую картину академической жизни.

Задача же нарисовать жизнь семинаріи за 1869—1884 г.г.—очень интересна, такъ какъ это одна изъ самыхъ серьезныхъ эпохъ не только въ исторіи семинаріи, но и въ

исторіи русскаго общества. Историкъ увидить, какъ семинарія отражала общественныя теченія и шла за ними рабски или самостоятельно, какія собственныя внутренія силы жили въ ней—въ ея новомъ уставѣ, въ ея корпораціи, въ ея попечителяхъ—епископахъ, и насколько эти силы способны были пртивостоять разрушительнымъ теченіямъ времени.

И все это историкъ будетъ разсматривать не только чрезъ запыленные строки сухихъ официальныхъ архивныхъ записей, а и чрезъ живое преломленіе семинарской жизни въ разказахъ и воспоминаніяхъ включительно до „Миражей“ Гр. Ив. Недѣтовскаго, имѣющихъ не только художественный, а и несомнѣнно историческій интересъ. Тогда и такіе отдѣльные фрагменты, какъ замѣтка Т. М. Олейникова въ 13 вып. „Воронежской Старины“, найдутъ себѣ настоящее мѣсто, а не будутъ рѣзать сознаніе, какъ что то чудовищно ненормальное и бросающее мрачную тѣнь на самое учрежденіе.

Дѣло въ томъ, что для историка, располагающаго разнообразнымъ матеріаломъ, свѣтъ и тѣни послужатъ къ созданію картины нормальной жизни. Кто изъ теперешнихъ почтенныхъ дѣятелей не бурлилъ въ молодые годы, когда такъ рѣзала глазъ всякая, даже кажущаяся, неправда? Но теперь, обдумывая прожитое, даже съ трудомъ вспоминаешь, противъ чего собственно поднимались протесты. А если вспоминаешь, то видишь, что неправда, ихъ коднимавшая, была чаще всего плодомъ недомыслія, узости взгляда начальника или учителя, но очень рѣдко плодомъ ихъ злой воли. Напротивъ, яснѣе видишь то доброе и гуманное, что давали воспитатели, и что тогда принималось, какъ должное, безъ вниманія, и какъ будто не замѣчалось.

Недавно я читалъ, какъ выпускъ Воронежской семинаріи—1889 года съѣзжался въ Воронежъ вспомнить прошлое 25 лѣтъ назадъ. Они молились въ семинарскомъ хра-

мѣ и вспоминали на товарищескихъ бесѣдахъ о чемъ, о комъ? Неужели о злѣ, какое получили отъ наставниковъ. Нѣтъ, несомнѣнно о добрѣ. Въ этомъ добрѣ—много обыкновеннаго, посредственнаго, комическаго; но все же это добро. Для вспоминанія о злѣ не съѣдутся изъ разныхъ городовъ и весей. „Злобы“ достаточно на каждый день. Зло минувшихъ дней, къ счастью, покрывается пылью забвенія. И великій поэтъ былъ и великимъ психологомъ, когда сказалъ: „Наставникамъ, хранившимъ юность нашу, не помня зла, за благо воздадимъ“.

Я не хочу этимъ сказать, что историкъ долженъ умолчать о злѣ. Это будетъ не историкъ. Нѣтъ, но не итая въ себѣ злобнаго чувства къ учрежденію и лицамъ, въ немъ работавшимъ, онъ найдетъ злу его настоящее мѣсто, показавши рядомъ съ нимъ и добро, составляющее душу живого учрежденія. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ покажетъ, что было губительно для этого учрежденія, какіе изъяны въ самомъ его уставѣ вредили его питомцамъ. И показавши это, историкъ поможетъ разобраться въ запутанныхъ явленіяхъ современности. Семинарія особенно страдаетъ тяжкимъ наслѣдіемъ многихъ уставовъ, всегда недостаточно опредѣленныхъ и достаточно расплывчатыхъ.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы соблазнить кого-либо изъ семинарскихъ педагоговъ этой работой,—не только общимъ интересомъ темы, но и именами семинарскихъ дѣятелей, достойными исторіи.

Архимандритъ Дмитрій Самбикинъ—семинарскій педагогъ и ректоръ, для котораго церковность и жизнь были синонимы.

Петръ Акимовичъ Вышневскій—типъ профессора семинаріи—строгаго логиста—діалектика и, кажется, посредственнаго психолога—педагога.

Василій Абрамовичъ Маврицкій—живой собесѣдникъ,

болѣ склонный къ журналистикѣ, чѣмъ къ будничному учительскому труду.

Василій Петровичъ Борисоглѣбскій, Василій Ивановичъ Базилевичъ, Димитрій Θεодоровичъ Пѣвницкій и мн. др.— все это живыя имена для многихъ питомцевъ семинаріи, всегда готовыхъ въ личной бесѣдѣ разсказать интересные случаи изъ ихъ преподаванія и отношеній къ ученикамъ. Я не упоминаю здравствующихъ лицъ, бывшихъ живыми руководителями духовнаго юношества.

Пора приступить къ этому дѣлу, пока еще не умерли живыя воспоминанія, пока историку съ охотой помогутъ здравствующіе питомцы духовной школы 60—80 годовъ.

Теперь не время? Не такими интересами полна душа современника? Да такъ ли?

Мы переживаемъ великое время. Великое не только по происходящимъ событіямъ міровой войны, но, не менѣе великое, по тѣмъ неожиданнымъ открытіямъ такихъ явленій въ нашей внутренней жизни, которыхъ мы или не подозрѣвали, или въ существованіе которыхъ боялись вѣрить—такъ развѣдающе дѣйствовалъ на всѣхъ насъ нашъ гиперъ-критицизмъ. Геройство духа въ нашемъ крестьянинѣ-солдатѣ открылось параллельно съ христіанскимъ самоотверженіемъ русскаго священника и благороднымъ мужествомъ воина-дворянина.

Откуда все это взялось. Значить, были силы взростившія это святое настроеніе страны. И одною изъ такихъ силъ была, послѣ семьи и Церкви, наша школа, подвергавшаяся едва ли не всеобщему осужденію. Посмотрѣть на жизнь этой школы въ прошломъ, но посмотрѣть широко и объективно очень интересно для историка и полезно для современнаго общества.

П. Никольскій.

ПАТРИОТИЧЕСКІЯ МАРКИ.

принимаются къ оплатѣ всякой корреспонденціи наравнѣ съ обыкновенными почтовыми марками. Патриотическія марки продаются съ надбавкою только одной копѣйки, и чистая прибыль отъ этой надбавки идетъ

въ пользу воиновъ и ихъ семействъ.

Оплачивайте Ваши письма, открытки, поздравительныя карточки Патриотическими почтовыми марками. Лишняя копѣйка, копѣйка, которую Вы уплачиваете, облегчаетъ участь храбрыхъ защитниковъ нашей родины и улучшаетъ положеніе ихъ семей.

Патриотическія почтовые марки продаются во многихъ почтово-телеграфныхъ конторахъ, банкахъ, правленіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ еще Патриотическихъ марокъ, можно выписывать ихъ изъ Канцеляріи Императорскаго Женскаго Патриотическаго Общества (Отдѣлъ Завѣдыванія Патриотическими марками) Петроградъ. 3—3

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово на „Вознесеніе Господне“, произнесенное Ректоромъ Воронежской духовной Семинаріи въ семинарскомъ храмѣ 30 апрѣля с. г.

Епископъ Теофанъ — Затворникъ Вышенскій, какъ православный христіанскій педагогъ.

О продолженіи Исторіи Воронежской Духовной Семинаріи — *II. Никольскій.*
Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи *Архимандритъ Серафимъ.*

Печатать дозволяется. 10 мая 1915 г. Цензоръ Протоіерей А. Спасскій.

Воронежъ. Типо-Лит. «Т-ва Б. Кравцовъ и К^о», В. Дворянская ул. д. Сомова